

Злата Литвинова

Все, что
заставляет меня
жалеть

Злата Литвинова

Всё, что заставляет меня жалеть

«Автор»

2026

Литвинова З.

Всё, что заставляет меня жалеть / З. Литвинова — «Автор», 2026

Инна не верит в чудеса. Тем более — в те, что предлагают незнакомцы в парке. Но мужчина в тёмном пальто знает о ней то, чего знать не может. Он говорит мало, отвечает слишком точно и почему-то совсем не пытается убедить её в собственной правоте. Инна предпочла бы решить, что всё это нелепое совпадение. Вернуться к работе, семье, привычным разговорам, к людям, которых она любит, и больше никогда о нём не вспоминать. Вот только некоторые встречи слишком легко объявить случайными — и слишком трудно после этого забыть. Особенно если они заставляют задуматься о вещах, которые человек обычно прячет даже от самого себя. О сожалениях. О памяти. О прошлом, которое давно закончилось — и всё равно продолжает жить внутри нас. И о том, всегда ли мы действительно хотим забыть то, что причиняет нам боль.

Содержание

Глава 1. Парк	7
Глава 2. Шесть часов	9
Глава 3. Белый конверт	11
Глава 4. Покупатель	13
Глава 5. Утром	16
Глава 6. До утра	18
Глава 7. Другой маршрут	24
Глава 8. Ветер	27
Глава 9. Рыбий глаз	29
Глава 10. Сначала будет хорошо	31
Глава 11. Настоящее	33
Глава 12. Светлана	35
Глава 13. Покой	39
Глава 14. Клубника	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Злата Литвинова

Всё, что заставляет меня жалеть

Всё, что заставляет меня жалеть

Злата Литвинова

Роман

Посвящаю Инне, подруге, пути с которой разошлись

ВМЕСТО ЭПИГРАФА

Не бывает у дружбы прошедшего времени.
Лучший друг не растает с годами, как дым..
Даже если общаемся часто не с теми мы,
Лучший друг будет лучшим. Навечно. Одним.

Тем, кто был и душой, и поддержкой, и совестью,
Тем, кто ночи не спал, чтоб подставить плечо.
Принимал все как есть, без малейшей условности,
Тем, с кем море — по пояс, гора — ни по чем!

С ним легко. И работать, и думать, и праздновать,
После фразы: «А помнишь?» смеяться в кулак,
И ему даже много не надо рассказывать.
Потому что он друг. Он все знает и так.

... Ты прости.. Мы теперь далеки в безнадежности..
Не звонишь и не пишешь, разорвана нить..
Просто знай, если будут проблемы и сложности,
Я отдам все, что есть, лишь бы это решить..

Я скучаю.. Да нет, это глубже и искренней..
Все, что было, не вместишь в обычных словах.
Я всегда для тебя буду гаванью, пристанью,
Даже если твой флот в параллельных мирах..

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ

Говорят, у каждого человека есть сундук, которого никто, кроме него самого, не видит. Не тот, что когда-то ставили у печи, окованный железом и пахнувший сухим деревом, где берегли праздничные рубахи, приданое, письма и серебряные ложки на случай большого семейного торжества. Этот сундук человек носит с собой всю жизнь, хотя ни один путник не замечает его за плечами и ни один лекарь не сумеет определить его тяжесть.

В нём хранятся воспоминания. Старые люди, если верить сказкам, знали об этом куда больше нынешних. Они говорили, что память человеку дана не для того, чтобы без конца оглядываться назад, а для того, чтобы дорога за спиной не исчезала. Потому что тот, кто не видит пройденного пути, однажды непременно решит, будто всегда стоял на том месте, где оказался сегодня.

Мы бережём странные вещи: первый молочный зуб ребёнка, высохший билет в театр, фотографию, на которой половина лиц давно исчезла из нашей жизни, чужую записку с двумя словами, старую чашку с трещиной, камешек с моря. А потом однажды берём всё это в руки и удивляемся: почему сердце помнит раньше головы?

Наверное, потому, что воспоминания никогда не живут только в мыслях. Они прячутся в запахе яблочного пирога, в песне, случайно заигравшей в чужой машине, в прикосновении холодной ладони, в смешном слове, понятном всего двум людям на свете. Они умеют ждать годами, пока кто-нибудь не произнесёт: «А помнишь?» — и тогда давно ушедший день входит без стука и садится рядом так естественно, словно никуда не уходил.

Хорошие воспоминания человек обычно считает подарком. С плохими всё сложнее. Иногда люди говорят: «Я бы всё отдал, лишь бы этого не помнить». Но даже в старых сказках желания полагалось произносить осторожно, потому что сказка слышит не то, что человек хотел сказать, а то, что он сказал.

Никто не знает наверняка, где заканчивается воспоминание о боли и начинается человек, который эту боль пережил. Никто не знает, сколько нитей придётся оборвать, если потянуть всего за одну. И если однажды весной, когда деревья только начинают зеленеть, к вашим ногам упадёт сухой жёлтый лист, не спешите объяснять это прошлогодней листвой, застрявшей между ветвями. Сначала оглянитесь. Возможно, рядом уже стоит тот, кто знает настоящую цену вашим воспоминаниям.

Глава 1. Парк

— Светлана, если водитель ещё раз скажет, что он «почти на месте», попроси геолокацию. У некоторых людей «почти» растягивается километров на сто пятьдесят, — сказала Инна, не отрывая взгляда от таблицы.

Молодая сотрудница прикрыла ладонью телефон: водитель клялся, что до склада двадцать минут. Инна сверила окно разгрузки, номер машины и фамилию кладовщика, сделала два звонка и через семь минут вернула происходящему нормальные размеры: склад подождёт, машина приедет позже, мир не рухнет.

— Инна Вячеславовна, а как Вы вообще не нервничаете?

— Я нервничаю очень организованно. Внутри. По графику.

Ей нравилась логистика именно за это: хаос редко исчезал, зато почти всегда соглашался принять приличный вид, если разложить его по времени, людям и ответственности. Когда-то она могла сидеть в офисе до ночи, словно её присутствие освещало водителям дорогу. Теперь знала цену и работе, и собственному вечеру.

Телефон завибрировал. Соня в семейный чат прислала голосовое: «Бабушка, я получила пятёрку за рисунок, хотя папа сказал, что кот не бывает фиолетовый. Скажи ему, что бывает, если художник так видит». Инна ответила, что художника нельзя ограничивать реальностью, получила от Валеры сухое «спасибо за поддержку авторитета» и улыбнулась. Через несколько дней Инна собиралась к родителям, а уже после возвращения ждала в гости Валеру, Аню и Соню.

Домой можно было дойти минут за двадцать, однако Инна свернула в парк. Апрель вёл себя как мужчина, который никак не решит, собирается он жениться или просто зашёл на кофе: утром обещал солнце, днём присылал дождь, к вечеру снова делал вид, что ничего не произошло. В парке было шумно и хорошо: дети носились возле площадки, пожилой мужчина кормил голубей под запрещающей табличкой, огромная собака шеголяла в красном платке.

У старого клёна людей почти не было. Почти. Там стоял мужчина в тёмном пальто — лет сорок пять или пятьдесят пять, с обычным лицом, которое трудно было удержать в памяти. У самой Инниной туфли сухо хрустнуло. На асфальте лежал целый жёлтый кленовый лист, золотой, ломкий, совершенно осенний среди молодой весенней зелени.

— Потеряли? — спросил мужчина.

— В апреле? Скорее нашла.

— Иногда это одно и то же.

— Философ?

— Нет. Покупатель.

— Тогда Вам не ко мне. Я сегодня ничего не продаю.

Мужчина чуть улыбнулся.

— Сегодня — нет.

Инна положила лист на скамейку.

— Хорошего вечера, Покупатель.

— И Вам, Инна.

Она остановилась.

— Мы знакомы?

— Нет.

— Тогда откуда Вы знаете, как меня зовут?

Он не ответил сразу, словно вопрос был несложным, но ответ почему-то требовал осторожности. Потом посмотрел на её руки — Инна машинально спрятала пальцы в карманы пальто: к вечеру они снова стали холодными, хотя воздух был тёплым.

— Когда будете у родителей, спросите Вячеслава Георгиевича, почему он не выбрасывает Ваш детский велосипед. Думаю, ответ Вашей мамы тоже будет Вам интересен.

Инна даже рассмеялась.

— Какой ещё велосипед?

— Тот, после падения с которого Вы разбили колено.

Смех оборвался сам. О том падении Инна не вспоминала, наверное, лет тридцать. Осталось только телесное ощущение: содранная кожа и вода, которой мама смывала кровь с колена.

— Откуда Вы...

Но мужчина уже пошёл по дорожке. Инна окликнула его один раз, потом второй, громче. Он не ускорил шаг, не обернулся и через несколько секунд скрылся за группой людей, вышедших из-за павильона. Инна дошла до поворота почти бегом. Дорожка была пустой.

Телефон снова завибрировал: Соня прислала фиолетового кота с подписью «Папа поверил». Инна посмотрела на экран, потом на пустую дорожку и впервые за весь вечер не улыбнулась.

Глава 2. Шесть часов

Шесть часов автобусной дороги к родителям Инна знала почти наизусть. Она читала, немного спала, отвечала на сообщения и несколько раз ловила себя на том, что вспоминает не мужчину из парка, а красный велосипед. Именно это раздражало больше всего. Незнакомец мог узнать её имя десятком способов; мог случайно услышать разговор, увидеть пропуск, найти в социальной сети. Но разбитое колено и старый велосипед не лежали в интернете, да и самой Инне пришлось сделать усилие, чтобы вытащить тот день из далёкого детства.

Вячеслав Георгиевич ждал у автовокзала, забрал сумку, обнял дочь и сообщил, что мать дома, но уже дважды выглядывала в окно, хотя автобус опоздал всего на семь минут. Вера Павловна встретила их с книгой в руке и очками на голове, крепко обняла Инну и тут же принялась рассказывать про спектакль, где пол антракта спорила с бывшей коллегой о финале.

За поздним ужином говорили о даче, литературном кружке, Валере, Ане, Соне, Максиме и коте Пельмене. Родители жили своей жизнью — с друзьями, театром, грядками, книгами и планами, — и Инне нравилось, что приезжать к ним означало не проверять, всё ли в порядке, а просто снова оказаться дочерью, которой можно налить чай, подвинуть варенье и сказать: «Ешь, ты с дороги».

Про велосипед она вспомнила только утром. Отец возился в кладовой на балконе, разыскивая какой-то ключ, и Инна, стоя в дверях с чашкой кофе, спросила, как можно равнодушнее:

— Пап, а мой красный велосипед давно выбросили?

Вячеслав Георгиевич высунулся из-за коробок.

— С чего вдруг?

— Просто вспомнила.

— Не выбросили.

Инна поставила чашку на подоконник.

— Как это?

— Просто. На даче стоит. Ржавый уже, конечно. Мать лет десять требует отнести на металл, а я всё собираюсь.

Вера Павловна из комнаты немедленно отозвалась:

— Не десять, а двадцать. И не «собираюсь», а каждый год торжественно обещаю себе, что в этот раз выброшу без твоего ведома.

Отец усмехнулся.

— Видишь? Семейная традиция.

— Зачем ты его хранишь?

Он пожал плечами, будто вопрос был странным.

— Не знаю. Ты на нём каталась. Потом Валерке хотел оставить, но у него уже другой был. Так и стоит.

— А я на нём сильно падала?

Теперь отец посмотрел внимательнее.

— Сильно. Колено однажды разбила так, что мать потом ванную от крови отмывала. С чего ты вспомнила ни с того, ни с сего?

Инна почувствовала, как холодеют и без того холодные пальцы.

— Не знаю. Просто вспомнилось.

— Ты вообще осваивала транспорт через падение, — сказал отец и рассмеялся. — Но тот раз я помню: колено пострадало прилично.

Вера Павловна появилась в дверях.

— Я рану всего лишь водой мыла, а ты сердилась, что щиплет, — добавила Вера Павловна.

Они засмеялись. Инна тоже, потому что история действительно была смешной, особенно теперь, когда от неё остались старый велосипед на даче и короткая семейная память. Но смех никак не отменял другого: незнакомый мужчина назвал не просто случайный предмет и имя отца, он назвал вещь, о существовании которой Инна сама не помнила.

Вечером мать показывала фотографии, отец спорил с прогнозом погоды, Инна рассказывала про Сониного фиолетового кота, и всё было привычно, тепло, совершенно нормально. Только перед сном она открыла телефон, нашла старую фотографию парка и долго смотрела на знакомый клён, будто на снимке мог обнаружиться человек в тёмном пальто.

Его там не было.

Зато на следующий день, уже в автобусе, Инна впервые поймала себя на мысли, что хочет снова увидеть Покупателя. Не потому, что верит ему. Именно наоборот. Ей хотелось получить объяснение, после которого всё опять станет обычным.

Глава 3. Белый конверт

В воскресенье Валера с Аней и Соней приехали к Инне вечером. Соня влетела первой, прижимая к груди рисунок, и с порога объявила, что фиолетовый кот теперь официально признан папой, но папа всё равно «ничего не понимает в современном искусстве». Валера вошёл следом с пакетом фруктов и тем выражением лица, с которым взрослые сыновья терпят семейные заговоры против собственного авторитета.

Инна любила их приезды за этот мгновенный беспорядок. Собственная тишина ей нравилась, но нравилось и то, как легко она отступала, когда приезжали свои. Соня устроилась на кухне рисовать, Аня помогала нарезать салат, Валера открыл холодильник, получил по рукам за попытку стащить кусок запечённой курицы и заявил, что в родительском доме права человека всегда были понятием условным.

За столом заговорили о летних планах, потом о Максиме. Он служил далеко и в последнее время выходил на связь урывками, но накануне прислал матери короткое: «Жив. Работаю. Люблю. Позвоню, когда смогу». Инна перечитала сообщение утром дважды, хотя знала его наизусть.

— Дядя Максим приедет летом? — спросила Соня.

— Если сможет.

— А если не сможет?

— Тогда будем ждать дальше.

Соня подумала и кивнула, принимая эту логику как достаточную. Для ребёнка ожидание ещё не успело стать отдельной разновидностью времени.

После обеда Валера с Аней спорили, кто поведёт Соню на танцы во вторник, Соня искала под столом упавший фломастер, а Инна вдруг вспомнила день выписки внучки из роддома: белый конверт, множество шариков, Анино усталое счастливое лицо, Валеру, который держал дочь так осторожно, словно ему доверили хрупкую вазу эпохи Мин, и собственные слёзы, объявленные тогда последствиями сильного ветра. Воспоминание пришло легко, без приглашения, и ушло так же естественно, оставив после себя тепло.

Когда дверь за ними закрылась, квартира снова стала тихой. Инна собрала чашки, включила посудомоечную машину, подняла с пола забытый Сонин рисунок и понесла его в комнату, чтобы не потерять.

На подоконнике лежал жёлтый кленовый лист.

Инна остановилась.

Окно было закрыто. Она точно помнила, что протирала подоконник, потому что Соня любила сидеть там с альбомом. Никакого листа не было. Да и откуда ему взяться — яркому, осеннему, целому — на четвёртом этаже в апреле?

Она взяла его двумя пальцами. Лист тихо хрустнул.

Первой мыслью было, что его принесла Соня. Второй — что это нелепость. Третьей — позвонить Валере и спросить. Инна уже открыла контакты, но остановилась. Представила разговор: «Сын, вы случайно не принесли мне свежий осенний лист?» — и усмехнулась.

Телефон в руке зазвонил сам. На экране высветился Максим.

— Мам, у меня пять минут.

Она села прямо на край дивана, всё ещё держа лист.

— Мне хватит. Рассказывай.

Они говорили совсем недолго. Максим спросил про бабушку с дедушкой, про Валеру, про Соню, напомнил, что Инна обещала поменять батарейку в часах, и рассмеялся, когда она спросила, нормально ли он ест. Потом связь оборвалась почти посреди фразы.

Инна ещё несколько секунд смотрела на погасший экран, а потом перевела взгляд на лист.

Теперь он казался не случайностью и не странной шуткой.
Он казался приглашением.

Глава 4. Покупатель

На следующий день Инна вышла из офиса вовремя и направилась не домой. Всю дорогу она заранее злилась на себя за этот маршрут. Получалось глупо: взрослый человек, руководитель отдела, женщина, способная за десять минут выяснить, на каком складе потерялась машина с товаром, добровольно идёт в парк потому, что неизвестный мужчина оставил — или не оставил — сухой лист на подоконнике. С другой стороны, именно взрослые люди чаще всего совершают странные поступки с серьёзным лицом, предварительно назвав их необходимостью разобраться.

Покупатель сидел на той же скамейке. На этот раз рядом с ним лежала газета, сложенная вчетверо, а в руке был бумажный стаканчик с кофе. Эта подробность раздражала сильнее, чем если бы он встретил её в чёрном плаще среди клубов дыма. Человек, который знает чужое детство, не должен спокойно пить капучино возле детской площадки.

Инна остановилась перед ним.

— Вы были у меня дома?

Он поднял глаза.

— Нет.

Инна подождала. Обычный человек после такого вопроса непременно добавил бы: «С чего Вы взяли?» или хотя бы удивился. Покупатель не удивился.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда попробуем ещё раз. На моём подоконнике, на четвёртом этаже, при закрытом окне оказался сухой осенний лист. Такой же, как здесь. Если это не Вы, я готова выслушать разумную версию.

— У меня её нет.

— Прекрасно. Очень полезная беседа. Я уже чувствую, как всё становится понятнее.

Он сделал глоток кофе.

— Вы спросили, был ли я у Вас дома. Я ответил.

— А лист?

— Я не оставлял его.

— Но Вы знаете, откуда он взялся?

— Нет.

Инна села на противоположный край скамейки, оставив между ними столько пространства, сколько позволяли приличия и длина деревянной доски.

— Значит, у нас есть загадочный мужчина, который знает моё имя, имя моего отца, детский велосипед и разбитое колено. После встречи с ним у меня дома появляется невозможный лист. И этот мужчина совершенно ни при чём.

— С листом — ни при чём.

— Очень удобное уточнение.

— Точное.

Она посмотрела на него внимательнее. Лицо по-прежнему плохо удерживалось в памяти. Не потому, что было неприметным: нормальные черты, серые глаза, чуть заметные морщины у рта. Но стоило отвернуться, и детали как будто переставали иметь значение.

— Начнём с велосипеда. Откуда Вы о нём знаете?

— Из Вашей памяти.

Инна коротко рассмеялась.

— Нет, серьёзно.

— Я серьёзно.

— Хорошо. Тогда Вы читаете мысли?

— Нет.

Он снова посмотрел куда-то за её плечо. На дорожке маленький мальчик пытался заставить самокат ехать по траве и каждый раз с искренним удивлением обнаруживал, что трава против.

— Гипноз? — продолжила Инна.

— Нет.

— Слежка?

— Нет.

— Социальные сети?

Покупатель повернулся к ней.

— Вы выкладывали туда фотографию разбитого колена?

— В моём детстве для этого пришлось бы сначала изобрести социальные сети.

— Тогда, вероятно, нет.

— Знаете, что меня особенно раздражает? — Инна сняла перчатку и машинально потерла холодные пальцы. — Вы не похожи на сумасшедшего. Было бы гораздо проще, если бы Вы сейчас рассказали про тайное правительство, инопланетян и чип в моей голове. Я бы встала и ушла.

— Но Вы пока сидите.

— Не обольщайтесь. Это диагностический этап.

— Разумеется.

— В прошлый раз Вы назвались Покупателем. Что Вы покупаете?

— Воспоминания.

Инна подождала. Продолжения не последовало.

— Чьи?

— Тех, кто хочет продать.

— Добровольно?

— Только добровольно.

— И много желающих?

— Достаточно.

— Что люди получают взамен?

— Покой.

Она повернулась к нему всем корпусом.

— Вот сейчас должно было прозвучать красиво?

— Нет. Точно.

— «Покупаю воспоминания, плачу покоем». Почти рекламный слоган. Вам не хватает только визитки.

— Визитка предполагает, что я ищу клиентов.

— А Вы не ищете?

— Нет.

— Тогда почему разговариваете со мной?

— Потому что Вы пришли.

Инна на секунду замолчала. Ответ был настолько простой, что спорить с ним оказалось неудобно.

— Допустим, — сказала она. — Допустим, человек действительно хочет что-то забыть. Не потому, что Вы ему это внушили, а сам. Что происходит?

— Он формулирует, какое воспоминание продаёт. Я принимаю сделку. После этого он перестаёт помнить проданное.

— Совсем?

— Совсем.

— И Вы забираете память куда-то себе?

— Это уже другой вопрос.

— Конечно. У Вас вообще все интересные вопросы — другие.

Покупатель слегка улыбнулся.

— Вы можете задавать их по одному.

— Спасибо за разрешение. А вернуть можете?

— Могу не покупать.

— Очень щедро.

— Могу взять в долг.

Инна нахмурилась.

— Воспоминание?

— Да.

— Как деньги?

— Если Вам так понятнее.

— И что, утром вернёте с процентами?

— Без процентов.

Она усмехнулась, но улыбка быстро исчезла.

— На сколько?

— До утра достаточно, чтобы проверить.

— Проверить что?

— Что Вы действительно перестанете помнить.

Фраза прозвучала буднично. Не угрожающе, не торжественно. Будто речь шла о пробной подписке.

Инна уже собиралась сказать, что никакой проверки не будет, но внутри неожиданно всплыло слово, которое последние сутки почему-то цеплялось за мысли.

Утром.

Она увидела Галю — молодую, сердитую, с коробкой тёмно-синих туфель в руках.

Покупатель ничего не спросил.

— Не смотрите на меня так, — сказала Инна.

— Как?

— Будто уже знаете, что я вспомнила.

— Я знаю, что Вы что-то вспомнили.

— Разница огромная.

— Согласен.

Она встала.

— Скорее всего, Вы не по адресу.

— Возможно.

— И я ничего Вам не обещаю.

— Я ничего не прошу.

Инна сделала несколько шагов, потом обернулась.

— А если человек передумает утром?

— Тогда утром он будет помнить, о чём передумал.

— Очень философски.

— Нет. Практически.

Она ушла, не попрощавшись. Всю дорогу домой Инна думала уже не о листьях, не о велосипеде и даже не о человеке в тёмном пальто.

Рядом шла Галя, которой восемнадцатилетняя Инна когда-то сказала всего одно слово: «Утром».

Глава 5. Утром

Туфли были тёмно-синие, почти чёрные, с тонким ремешком и каблук, который казался Инне верхом взрослой элегантности. В конце восьмидесятых такие вещи не покупали по дороге с работы, если внезапно сломался каблук. Их доставали, привозили, выменивали, берегли в коробке и надевали по особым случаям. Галя получила туфли от тётки, приехавшей из большой поездки, и любила их с той серьёзностью, которую в восемнадцать лет вполне можно испытывать к красивой вещи.

Инне они понадобились на один вечер. Причина давно стёрлась — чей-то день рождения, танцы, компания, в которой ей хотелось выглядеть старше своих лет. Галя сначала отказала, потом сдалась, предупредив, что на следующий день туфли нужны ей самой.

— Верну обязательно. Да что с ними за один вечер случится?

Случилось.

Каблук не отлетел эффектно посреди улицы. Он треснул у самого основания, когда Инна неудачно наступила на край ступеньки. До дома она дошла на носке, поддерживая пятку в воздухе, а утром явилась к Гале раньше девяти с коробкой в руках и лицом человека, готового признаться в государственной измене.

Галя молча посмотрела на туфлю.

— Инна...

— Я почию.

— Мне сегодня к папе.

Отец Гали лежал в больнице после операции. Ничего срочного, ничего страшного: поправлялся, ворчал на больничную еду, просил принести газеты и обещал через несколько дней вернуться домой. Галя собиралась после учёбы заехать к нему, а вечером у неё были ещё какие-то планы, для которых и понадобились туфли.

Инна нашла мастерскую. Мастер повертел каблук, сказал, что сделать можно, но придётся подождать. Они ждали. Потом выяснилось, что нужной детали нет. Мастер отправил мальчишку в соседнюю мастерскую. Галя посмотрела на часы.

— Инн, я поеду. Потом заберу.

— Подожди двадцать минут. Он сейчас принесёт, всё сделают, и поедешь.

Галя осталась. Через двадцать минут детали не было. Через сорок мастер уже сердился на всех сразу, Инна предлагала деньги, свои туфли, любые другие туфли, которые сможет достать, а Галя всё чаще смотрела на часы.

— Мне к папе надо.

— Сейчас уже. Подожди ещё немножко.

— Забери сама, вернёшь завтра. Мне, правда, надо ехать.

— Ещё пять минуточек.

Когда они вышли из мастерской, было поздно. Туфли починили плохо: каблук стоял чуть криво, и Инна видела это с первого взгляда. Она готова была расплакаться от бессилия и злости на себя. Галя посмотрела на часы и огорчённо махнула рукой.

— Уже время посещения закончилось.

— Утром поедешь. Завтра. Нормально посидите, а не десять минут у дверей.

Галя кивнула.

Ночью её отец умер.

Инна узнала утром. Долго сидела на краю кровати, глядя на свои руки, и никак не могла понять, почему мир не вернулся на несколько часов назад, ведь ошибка была такой маленькой и такой очевидной: не брать чужие туфли; не тащить Галю в мастерскую; не говорить «ещё двадцать минут»; не произносить это проклятое «утром».

Галя не обвинила её ни тогда, ни потом. Когда Инна, задыхаясь от слёз, пыталась просить прощения, она даже рассердилась:

— Ты с ума сошла? Ты-то тут при чём? Мы не знали. Никто не знал.

Это должно было помочь. Не помогло.

Годы прошли. Они перестали быть близкими подругами, но не исчезли из жизни друг друга: поздравляли с днями рождения, иногда созванивались, изредка встречались. И время от времени Галя говорила об отце. Не об Инне. Не о туфлях. Об отце.

— Знаешь, я ведь так с ним и не попрощалась.

Или: — Иногда думаю, что хотела ему сказать в тот вечер.

Или совсем просто: — Всё собиралась на следующий день.

Ни разу в этих словах не было прямого упрёка. Возможно, не было никакого. Но Инна каждый раз слышала собственный молодой голос: «Утром поедешь».

Через день после разговора с Покупателем Галя позвонила сама. Они обсудили общего знакомого, посмеялись над возрастом, в котором дети начинают давать родителям советы, а потом Галя сказала:

— Вчера папин день рождения был. Представляешь, сколько уже лет. А я всё равно иногда думаю: вот поехала бы тогда, посидела бы рядом хотя бы десять минут...

Инна закрыла глаза.

— Галь...

— Только не начинай. Я вообще не про тебя. Сколько можно?

— Я ничего.

— Вот и хорошо. Слушай лучше, что мой младший учудил...

Через пять минут Галя уже смеялась, рассказывая другую историю.

Инна ещё некоторое время стояла у окна, думая о Галинном раздражённом «Я вообще не про тебя». Подруга никогда не обвиняла её в том, что произошло, но каждый разговор об отце рано или поздно превращался в необходимость снова убеждать Инну в её невиновности. Получалось, что Галя, потерявшая самого близкого человека, спустя тридцать лет продолжала утешать ту, которая считала себя виноватой в нескольких несостоявшихся минутах их последней встречи.

Инна открыла переписку и написала: «Галь, извини, что я опять».

Ответ пришёл почти сразу.

«Инн, я ведь не про тот день говорила. Мне иногда просто хочется вспомнить папу, понимаешь? Без всего остального».

Инна долго смотрела на экран. Она понимала, что подруга права, понимала это уже много лет, но знание почему-то ничего не меняло. Стоило Гале заговорить об отце, и старая мастерская вновь оказывалась между ними, заслоняя человека, которого одна хотела вспомнить, а другая никак не могла перестать мысленно провожать в последний вечер его жизни.

«Понимаю. Постараюсь больше так не делать», — ответила она.

Галя прислала улыбающийся смайлик, а следом написала, что вечером переберёт ещё несколько старых фотографий и, возможно, пришлёт самые удачные.

Инна убрала телефон. Она не знала, можно ли избавиться от одного воспоминания, не потеряв вместе с ним что-нибудь необходимое, и меньше всего хотела проверять это на собственной жизни. Но теперь ей казалось, что попробовать стоит хотя бы ради возможности однажды выслушать Галю, не вынуждая её снова возвращаться к чужому раскаянию.

Потом приняла решение и пошла в парк.

Покупатель был там.

Инна остановилась перед скамейкой.

— Есть одно.

Глава 6. До утра

Покупатель не спросил, почему она вернулась. Только сложил газету и чуть подвинулся, освобождая место на скамейке.

Инна не села сразу.

— Не надо делать вид, что Вы меня ждали.

— Я Вас не ждал.

— Ещё хуже.

— Почему?

— Потому что тогда получается, что я действительно пришла сама.

Покупатель ничего не ответил. Инна постояла ещё несколько секунд, потом всё-таки села и поставила сумку рядом, будто сумка могла служить дополнительной границей между ними.

— Есть одно воспоминание.

— Расскажите.

— А обязательно?

— Нет. Но чем точнее Вы определите, что хотите отдать, тем меньше будет вопросов потом.

— Очень обнадеживающе звучит это Ваше «потом».

— Я не пытался обнадежить.

Инна вздохнула.

Сначала она рассказывала про Галю почти деловым языком: туфли, мастерская, больница, задержка, смерть отца. Получался короткий отчёт о событии, где все причины стояли на местах и ни одна не объясняла, почему спустя десятилетия у неё по-прежнему холодели руки от слова «утром». Покупатель слушал, не перебивая.

— Вот и всё, — закончила Инна.

— Нет.

Она повернула голову.

— Простите?

— Вы рассказали, что произошло. Не рассказали, что хотите забыть.

— Я хочу забыть этот день.

— Весь?

— А какая разница?

— Большая.

Инна раздражённо поправила ремешок сумки.

— Хорошо. Туфли. Мастерскую. То, что задержала Галю. Утро, когда узнала о её отце.

— Почему именно это?

— Потому что мне плохо, когда я вспоминаю.

— Это причина сделки. Не граница воспоминания.

— Вы всегда разговариваете так, будто составляете договор на недвижимость?

— Только когда человек продаёт то, что нельзя переписать после подписи.

Инна замолчала.

— Ладно. Спрашивайте.

— Галя Вас обвиняла?

— Нет.

— Никогда?

— Никогда.

— Даже в первые дни?

— Нет. Я сама полезла к ней с извинениями, она меня чуть не выгнала.

— Почему?

— Потому что считала, что я ни при чём.

— А Вы?

Инна посмотрела на дорожку.

— Я считаю, что не убила её отца, если Вы к этому ведёте.

— Я никуда не веду.

— Конечно. Вы просто очень удачно расставляете вопросы.

— Тогда ответьте на этот. В чём именно Вы себя обвиняете?

Инна провела ладонью по колену, разглаживая несуществующую складку.

— В десяти минутах.

Покупатель чуть наклонил голову.

— Объясните.

— Если бы я не тащила её в мастерскую, она поехала бы к отцу. Если бы не просила подождать ещё немного, она поехала бы. Если бы не сказала это дурацкое «утром», возможно, ушла бы сама. Он всё равно умер бы. Я это понимаю. Но у неё были бы эти десять минут. Или двадцать. Не знаю. Последний разговор. Последнее нормальное воспоминание вместо больничного коридора и того, что она не успела.

— Вы знали, что он умрёт ночью?

— Нет.

— Галя знала?

— Нет.

— Она могла уйти из мастерской?

— Могла.

— Вы удерживали её?

Инна резко повернулась.

— Нет. И не надо превращать это в суд, где Вы сейчас объявите меня невиновной, а я просветлею. Я всё это знаю. Знаю уже тридцать лет.

— Тогда чей упрёк Вы слышите каждый раз, когда Галя говорит об отце?

Инна усмехнулась без веселья.

— Свой. Что, довольны?

— Нет.

— А выглядите так, будто получили правильный ответ.

— Я получил точный.

Она помолчала.

— Вы психолог на полставки?

— Нет.

— Хорошо. Хоть здесь повезло.

Покупатель не улыбнулся.

Инна посмотрела на него и неожиданно почувствовала злость не на Галю, не на себя восемнадцатилетнюю, а на самую возможность сейчас взять и убрать из жизни кусок, который столько лет был частью её внутреннего разговора.

— Допустим, — сказала она. — Я соглашусь. Что произойдёт?

— Вы перестанете помнить проданное.

— Сразу?

— Да.

— Не будет головокружения, обморока, провала?

— Не обязательно.

— «Не обязательно» мне не нравится.

— Тогда сформулирую иначе: скорее всего, Вы ничего физически не почувствуете.

— Ещё хуже.

— Почему?

— Потому что если человек падает в обморок, он хотя бы понимает, что с ним что-то произошло.

Покупатель посмотрел на неё внимательнее.

— Вы хотите проверку или нет?

Инна тоже посмотрела на него.

— Только до утра.

— Хорошо.

— И только этот день. Туфли, мастерская, больница, звонок утром. Ничего до него и ничего после.

— Вы хотите оставить всё, что узнали потом?

— Конечно. Галю. Её отца. То, что он умер. Нашу дружбу. Всё остальное.

— Вы понимаете, что до утра не будете знать, почему слова Гали об отце причиняли Вам боль?

Инна задержала дыхание.

— Да.

— Повторите, что отдаёте.

Она раздражённо выдохнула.

— Тот день. Я взяла у Гали туфли, сломала каблук, мы пошли в мастерскую, я уговорила её ждать, она не попала к отцу, а утром узнала, что он умер. До утра.

— До утра.

Инна ещё секунду сидела неподвижно.

— А теперь что?

— Теперь всё.

— Очень эффектно.

— Я не обещал эффектов.

Она прислушалась к себе. Парк шумел так же, как минуту назад. Женщина возле киоска спорила с ребёнком из-за мороженого, на дорожке звенел велосипед, пахло кофе и мокрой землёй. Голова не кружилась. Сердце билось нормально.

— И это всё?

— Да.

— То есть я должна поверить Вам на слово?

— Нет.

Покупатель посмотрел прямо на неё.

— Почему Вы не дали Гале поехать к отцу?

Инна нахмурилась.

— К какому отцу?

— К её отцу. В больницу.

— Не понимаю.

— Вы ждали мастера.

— Какого мастера?

— Обувного.

Инна смотрела на него всё более раздражённо.

— Послушайте, я действительно знаю Галю. Её отец умер в больнице, и она не успела с ним попрощаться. Это не секрет. Но при чём здесь обувь?

— Вы сломали её туфли.

— Я никогда не ломала Галиных туфель.

— Ломали.

— Нет.

Ответ прозвучал не как попытка вспомнить. Инна знала это совершенно точно.

— Вы попросили её подождать ещё немного, — продолжил Покупатель.

— Не было такого.

— Потом сказали: «Утром поедешь».

Инна почувствовала, как поднимается злость.

— Это уже отвратительно.

— Что именно?

— Вы берёте реальную боль человека и вписываете туда меня. Зачем? Чтобы убедить, что Ваш фокус работает?

— Вы сами попросили меня взять это воспоминание до утра.

Инна рассмеялась.

— Я попросила проверить одно воспоминание, да. Но всё со мной. Я помню Гаю, её отца, больницу, похороны. Ничего не исчезло.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Тогда расскажите, что Вы продали.

Она открыла рот.

И остановилась.

— Я... — Инна нахмурилась. — Я пришла проверить...

— Что именно?

Несколько секунд она действительно пыталась поймать мысль. Не воспоминание даже — причину собственного прихода. Причина была рядом, буквально в одном шаге, но каждый раз, когда Инна тянулась к ней, находила только Гаю, смерть её отца и непонятную настойчивость человека рядом.

— Подождите, — сказала она. — Я сидела здесь и рассказывала Вам, что сломала туфли?

— Да.

— Из-за этого Галя не попала в больницу?

— Да.

— И я сказала ей «утром поедешь»?

— Да.

Инна покачала головой.

— Этого никогда не было.

Покупатель посмотрел на неё почти сочувственно.

— Именно.

Она встала так резко, что сумка соскользнула со скамейки.

— Не знаю, как Вы это делаете. Гипноз, внушение, какая-то информация обо мне, которую Вы специально исказили. Но достаточно.

— До утра, — напомнил он.

— Что до утра?

Покупатель помолчал.

— Ничего. Уже ничего.

Домой Инна пришла сердитая, однако через полчаса сердиться стало не на что. Она приготовила ужин, поговорила с матерью, ответила Валере, нашла батарейку для часов, о которой напоминал Максим, посмотрела половину фильма и легла спать.

Перед сном пришло сообщение от Гали: фотография старого семейного альбома и подпись: «Нашла папу молодого. Красавец же был».

Инна открыла снимок. Молодой мужчина смотрел в объектив с той серьёзностью, которую люди почему-то считали необходимой для фотографии, хотя в жизни далеко не всегда

отличались подобной сдержанностью. Она приблизила изображение, рассмотрела аккуратно причёсанные волосы, светлую рубашку и написала:

«Очень».

«А помнишь, каким он был весёлым?» — спросила Галя.

Инна улыбнулась. Она действительно помнила его живым, любившим пошутить, и ей захотелось ещё немного поговорить с подругой, которая, судя по всему, сегодня собиралась провести вечер в компании старых фотографий.

«Давай созвонимся. Покажешь мне остальные снимки, а я проверю, насколько твоя дочерняя любовь влияет на объективность оценки».

Галя перезвонила по видеосвязи почти сразу. На экране появилось знакомое лицо, а затем несколько фотографий, которые подруга поочерёдно подносила к камере, сердясь на блики и уверяя, что современная техника совершенно не приспособлена для демонстрации старых семейных альбомов.

— Вот посмотри, — сказала она, наконец устроив телефон так, чтобы обе руки оставались свободными. — Здесь ему, кажется, двадцать два. Мама рассказывала, что перед фотографированием он специально делал серьёзное лицо, потому что считал улыбку признаком легкомыслия. Представляешь? Человек, который дома и пяти минут не мог прожить без какой-нибудь шутки!

— Значит, он просто заботился о том, какое впечатление произведёт на потомков, — заметила Инна. — Нужно же было оставить хотя бы документальное свидетельство собственной солидности.

Галя рассмеялась и принялась показывать другие снимки. Они вспоминали общих знакомых, спорили о возрасте людей на фотографиях, несколько раз отвлекались на совершенно посторонние темы и возвращались к альбому только потому, что Галя вдруг находила очередное подтверждение собственной уверенности в отцовской привлекательности.

Потом она задержалась на одной фотографии и уже тише произнесла:

— Знаешь, мне иногда ужасно не хватает возможности просто позвонить ему. Не потому, что случилось что-нибудь важное, а вечером, без повода. Рассказать какую-нибудь ерунду, послушать, как он начнёт шутить, и обнаружить через полчаса, что мы так и не добрались до причины звонка. Столько лет прошло, а иногда мне до сих пор хочется набрать его номер.

Инна почувствовала жалость к подруге. Ей было грустно оттого, что человек, которого Галя так любила, давно умер, и никакие фотографии не могли заменить обыкновенного разговора с ним.

— Наверное, именно таких разговоров потом и не хватает больше всего, — сказала она. — Значительные события мы стараемся запомнить, фотографируем, отмечаем даты, а самые обыкновенные вечера никто не собирается сохранять. И только потом выясняется, что в них было едва ли не самое дорогое.

Галя посмотрела на неё с удивлением, а затем улыбнулась.

— Инн, как хорошо, что мы сегодня поговорили. Ты знаешь, я ведь давно не могла вот так спокойно рассказывать тебе о папе.

— Почему?

— Потому что обычно ты начинаешь извиняться, а мне приходится убеждать тебя, что никто ни в чём не виноват. Я понимаю, почему ты это делаешь, но иногда мне хочется просто вспомнить его, без нашего вечного возвращения к тому вечеру.

Инна нахмурилась, пытаясь понять, о каком именно вечере говорит подруга. Она знала, что Галю до сих пор мучает несостоявшееся прощание с отцом, но не помнила ни одного обстоятельства, за которое ей самой следовало бы просить прощения.

— Значит, сегодня у меня получилось лучше, — ответила она. — Вот и будем считать, что даже в нашем возрасте ещё можно освоить что-нибудь полезное.

— Я всегда говорила, что у тебя есть способности. Просто некоторые проявляются с очень большим опозданием.

Они обе засмеялись. Галя ещё немного рассказала о фотографиях, пообещала прислать несколько снимков и собралась заканчивать разговор.

— Спасибо тебе, Инн, — сказала она напоследок.

— За что?

— За то, что послушала. Просто послушала.

— Галь, ну что ты. Звони чаще. И альбом далеко не убирай, мы ещё не все фотографии обсудили.

Когда связь прервалась, Инна некоторое время рассматривала присланные снимки. На одном Галин отец стоял рядом с автомобилем, на другом смеялся, отвернувшись от объектива. Последний понравился ей больше остальных: человек на фотографии выглядел таким живым, что трудно было представить, сколько лет прошло с тех пор.

Инна пожелала Гале спокойной ночи, поставила телефон на зарядку и легла спать.

Вечер получился хорошим.

Проснулась Инна в шесть сорок три от собственного голоса.

«Утром поедешь».

Она села в кровати.

Сначала вернулись тёмно-синие туфли. Потом треснувший каблук, мастерская, запах клея и кожи, Галино «мне к папе надо», часы на стене, мальчишка, убежавший за деталью, собственное «ещё двадцать минут». Потом вечер. Потом утренний звонок.

Инна прижала ладонь ко рту.

А следом вернулся вчерашний парк. Покупатель спрашивает: «Почему Вы не дали Гале поехать к отцу?» Она отвечает: «К какому отцу?» Он говорит о туфлях. Она смеётся ему в лицо: «Этого никогда не было».

Она помнила обе себя. Ту, которая больше тридцати лет носила этот день внутри, и ту, которая вчера совершенно искренне знала: такого дня не существовало.

На тумбочке лежал телефон. На экране всё ещё было Галино сообщение и её собственное вчерашнее «Очень».

Инна перечитала ответ.

Вчера Галя напомнила ей об отце.

И Инне не было больно.

Глава 7. Другой маршрут

Новый маршрут оказался хуже старого по всем объективным показателям. Автобус шёл дольше, пересадка приходилась на остановку без навеса, а последние восемь минут Инна тратила на улицу, где вечно ремонтировали то тротуар, то водопровод, то, кажется, саму идею благоустройства. Любой логист, увидев два варианта пути, выбрал бы парк.

Инна выбирала улицу с раскопанным тротуаром.

Первые два дня она объясняла это себе удобством. На третий перестала. Человеку можно врать сколько угодно, если этот человек чужой; себе приходится всё время помнить предыдущую версию.

Покупатель ничего не предпринимал. Не появлялся у офиса, не стоял на остановке, не присылал листьев, не оставлял записок. Отсутствие преследования должно было успокаивать, но почему-то только подчёркивало главный факт: он не нуждался в том, чтобы убеждать Инну. Он знал, что возможность существует, и этого было достаточно.

Работа помогала. В таблицах не было воспоминаний, только даты. Сроки могли сорваться, люди могли подвести, машины — сломаться, но всё происходящее оставалось в одном времени, и это казалось неожиданной роскошью.

Вечером Инна наткнулась в старой папке на знакомое название улицы. Дом был другой, но память сразу вернула комнату, которую она когда-то пришла посмотреть после развода.

Лада открыла дверь.

— Вы Инна?

— Если комнату уже сдали, то нет.

— Судя по ответу, эта комната уже закреплена за тобой.

Комнату они посмотрели минуты за три.

— Кровать нормальная, шкаф вредный, дверь надо приподнимать, иначе не закроется. Окно во двор. Соседей слышно, но только когда они особенно любят друг друга или особенно ненавидят.

— А промежуточные состояния у них бывают?

— Зимой. Когда окна закрыты.

Инна рассмеялась. Лада посмотрела на неё и спросила:

— Чай будете?

— Я вообще-то жильё смотрю.

— Комната никуда не убежит. А человек может. Надо сначала понять, можно ли с ним делить кухню.

— Очень профессиональный подход.

— У меня других достоинств мало, приходится брать профессионализмом.

Через сорок минут они всё ещё сидели на кухне. Условия проживания обсудили где-то между разговором о детях и спором о том, можно ли считать человека хорошим, если он никогда не возвращает книги. Потом каким-то образом дошли до Виктора. Инна сама не поняла, почему сказала о нём женщине, которую видела первый час.

— Я его всё ещё люблю. Мы развелись, дети у родителей, я сижу у чужого человека на кухне и всё равно люблю. Очень разумно.

— А кто сказал, что любовь разумная? Если бы она была разумная, её продавали бы вместе с бытовой техникой и давали гарантию на три года.

— Вы всегда так разговариваете?

— Когда нервничаю — хуже.

— А вы нервничаете?

— Конечно. Ко мне пришла совершенно незнакомая женщина и уже сорок минут не уходит.

— Так я могу уйти.

— Не можете. Вы комнату снимаете.

Обе рассмеялись.

— Подождите, — сказала Инна. — Я даже цену толком не спросила.

— Спрашивали.

— Когда?

— Между книгами и бывшим мужем.

— Он не бывший. То есть бывший, конечно...

— Поняла. Сложная грамматика.

Лада назвала сумму. Инна быстро прикинула расходы и кивнула.

— Я остаюсь.

— Даже думать не будете?

— Я уже подумала.

— Когда?

— Между чаем и Вашим шкафом.

— Тогда договорились.

И только вечером, раскладывая вещи, Инна поймала себя на странном ощущении: она не могла вспомнить момента, когда перестала обращаться к Ладе на «вы». Кажется, такого момента просто не было.

Инна осталась. И удивлялась тому, как иногда полное несовпадение характеров притягивает людей сильнее, чем глубокие чувства. И, как правило, это обнаруживается раньше, чем успеваешь придумать мало-мальское объяснение.

Только счастливыми те месяцы Инна всё равно никогда не называла, хотя именно тогда в её жизни появились Лада, Алексей, долгие кухонные разговоры и тот особый смех, после которого болят щёки и уже невозможно вспомнить, с чего всё началось. Мальчики жили у её родителей: так было разумнее, спокойнее, безопаснее, пока она устраивалась на новой работе, искала жильё и училась после развода не считать каждый следующий день временным. Она приезжала к ним, звонила, забирала на выходные, знала, что они накормлены, любимы и находятся с людьми, которым доверяет больше, чем самой себе в те месяцы, — и всё равно почти каждый вечер имел второе дно. Можно было смеяться над Ладиной очередной нелепостью, спорить с Алексеем до полуночи, а потом закрыть за собой комнату и вспомнить, что Валеру сегодня укладывала бабушка, Максим утром проснётся не от её голоса, а какой-нибудь пропущенный будний день уже никогда не получится прожить заново. Самое несправедливое заключалось в том, что Инна и тогда понимала: иначе, возможно, просто не справилась бы. Но разумность решения почему-то не мешала годами жалеть о цене, которую за него заплатило время.

Алексей появился через несколько дней с отвёрткой и пакетом мандаринов. Лада вызвала его чинить шкаф, он потребовал чай в качестве оплаты, а через неделю они уже спорили втроём так, словно знакомы много лет.

Из множества тех вечеров Инна особенно помнила один. После тяжёлого рабочего дня Лада нашла в холодильнике бутылку шампанского. Вся их компания к алкоголю была абсолютно равнодушна, но тогда звёзды легли как-то по-особому. Предложение выпить шампанского в приятной компании вылилось в обычные взрывы смеха, но к шампанскому требовалась хотя бы шоколадка. Алексей вызвался сходить в магазин. Он вернулся с конфетами и ещё одной бутылкой.

— Я подумал, что нам надо две. Чтобы потом не идти.

— Да мы хоть бы одну осилили.

— Я в нас верю.

— Всё равно я не понимаю, зачем нам две бутылки.

— Чтобы потом не идти.

Фраза повторилась, словно забавное эхо, и зацепилась в памяти не только смыслом, даже интонацией.

Алексей ушёл домой около двенадцати, а ближе к часу ночи предусмотрительный запас закончился, а желание продолжить — нет. Инна с Ладой посмотрели друг на друга и начали смеяться раньше, чем успели произнести очевидное.

— Главное, что всё заранее взяли, — сказала Инна, натягивая куртку, — чтобы потом не идти.

На улице они хохотали так, что у машины, возле которой они проходили, сработала сигнализация.

Название улицы давно перестало быть для Инны просто адресом. Сейчас она снова слышала Ладин смех, видела совершенно серьёзное лицо Алексея и две бутылки шампанского на столе. «Чтобы потом не идти». Инна улыбнулась. Надо же, сколько лет прошло.

С Ладой они не ссорились. Не было последнего разговора, хлопнувшей двери, страшных слов или решения больше никогда не звонить. Просто сначала звонки стали реже, потом жизнь у каждой наполнилась другими людьми, заботами и привычками, потом поздравления с праздниками превратились в короткие сообщения, а однажды Инна обнаружила, что последний настоящий разговор был так давно, что невозможно вспомнить, какой именно.

Её это не мучило. Некоторые отношения не заканчиваются — они просто перестают происходить.

Но теперь Инна смотрела на адрес и думала совсем о другом.

Если бы Покупатель забрал тот вечер с шампанским, что осталось бы от фразы «чтобы потом не идти»? Просто набор слов? Смутное знание, что когда-то было смешно? Или она вообще не понимала бы, почему при виде этого адреса становится тепло?

Мысль пришла непрощено, и Инна почти сердито закрыла письмо.

Нет. Именно этого она и не собиралась делать: превращать каждое воспоминание в мысленный эксперимент, проверяя, что останется от неё без очередного куска прошлого.

Телефон звякнул.

Нина прислала: «Хинкали в пятницу. Отказы не принимаются».

Инна ответила: «А если я предложу взятку?»

«Только хинкали».

Инна улыбнулась и вернулась к работе.

В пятницу она вышла из кафе вместе с Ниной и машинально повернула туда, где началась дорога через парк. Сделала два шага. Остановилась.

— Ты чего? — спросила Нина.

— Ничего. Автобус удобнее с другой остановки.

— С каких пор?

— С тех пор, как я стала ценить инфраструктуру.

Нина пожала плечами.

Инна пошла в другую сторону и только через полквартиры поняла, что всё это время боялась увидеть на скамейке тёмное пальто.

Покупателя там могло не быть.

Но ей было достаточно знать, что он существует.

Глава 8. Ветер

Колесо обозрения Инна увидела из окна автобуса.

Новое колесо работало уже несколько лет — закрытые кабины, стекло, аккуратная подсветка, безопасность, которую наверняка можно было подтвердить сертификатами, инструкциями и ещё десятком документов, совершенно необходимых людям, выросшим в эпоху открытых люлек и общего убеждения, что ребёнок просто должен крепче держаться.

Сердце отозвалось раньше, чем она успела улыбнуться. Это колесо было совсем не то. Ниже, закрытые кабинки, невозможно крутиться на высоте и обниматься с ветром. Как и смеяться. Конечно, никто не запрещает смеяться и в закрытых кабинках, но что там может быть весёлого?

С Андреем они однажды полезли на старое колесо, когда над городом уже собиралась тяжёлая туча. Андрей, архитектор по профессии и человек, способный увидеть характер у лестницы, окна и совершенно безнадёжного сарая, уверял, что гроза проходит стороной. На самом верху ветер ударил в открытую люльку, и первые капли упали на руки.

— Гроза уже уходит, — сказал Андрей.

— Куда? Она прямо над нами.

— На север.

— Значит, север теперь здесь?

— Временно.

— Архитектор — это диагноз.

— Логист тоже. Ты даже грозу хочешь отправить по маршруту.

Они смеялись, люльку покачивало, а дождь за несколько минут превратил их в вымокших до нитки, но абсолютно счастливых людей. Андрей снял ветровку и набросил Инне на плечи, хотя мокрой она была уже так же безнадёжно, как он сам. Ветровка пахла дождём, табаком, которым Андрей бросал курить раз в три месяца, и его парфюмом.

Он появился в её жизни, когда Инне было около тридцати семи, и стал первым после Виктора мужчиной, рядом с которым ей не хотелось сравнивать настоящее с прошлым. Андрей не заменял никого. Он был отдельной любовью — со своими поездками, книгами, привычками, спорами и той странной способностью заставить Инну рассматривать здания, возле которых она раньше проходила, не поднимая головы.

Закончились их отношения без громких сцен, хотя причина была вполне определённой. Однажды Андрей задержался на пороге спальни и честно сказал, что встретил другую женщину. Он не изменял ей, не жил двумя жизнями и не просил времени на выбор; просто понял, что его потянуло в другую сторону, и счёл нечестным делать вид, будто ничего не произошло. Инне было больно — не той молодой, почти беспомощной болью, с которой когда-то рушился брак, а взрослой и от этого не менее настоящей: можно понимать чужое право уйти и всё равно не уметь заставить сердце отнестись к этому разумно. Они расстались без скандала, ещё какое-то время созванивались, иногда встречались за кофе и постепенно привыкали разговаривать уже не как люди, у которых есть общее прошлое. С той женщиной у Андрея не сложилось. Причем ему понадобился буквально месяц-другой, чтобы это понять. Как там говорил Ипполит? «Да, за такой короткий срок старое разрушить можно, вот новое создать нельзя!» Хотя, это слишком категорично. Не получилось, бывает. Спустя время он позвонил Инне и так же прямо сказал об этом, а потом спросил, нельзя ли попробовать ещё раз. Инна долго молчала: когда-то именно этих слов она, наверное, ждала бы больше всего. Но оказалось, что ждать и получить — не одно и то же.

Она по-прежнему относилась к нему тепло, помнила их поездки, книги, споры, старое колесо под грозой и могла смеяться над его шутками, только вернуться туда, где уже однажды

закрылась дверь, больше не могла. Спальня пережила ремонт, Инна избавилась от триггеров прошлого, но отказала без мести и без торжества. Потом они ещё несколько раз разговаривали, пока общение само по себе не стало редким и почти сошло на нет.

После Андрея у Инны были другие отношения, короткие и разные, а привычка замечать дома осталась. А ещё после Андрея она больше не делала попыток жить вместе. Как и сейчас, с Юрием. Отношения без переездов и быта. Когда-то давно в моду вошло выражение «гостевой брак». И тогда Инна спорила со всем миром, что это неправильно. А сейчас считала такой вариант единственно приемлемым.

Автобус проехал дальше, колесо скрылось за домами. Инна ещё несколько минут смотрела в окно, хотя смотреть было уже не на что.

Она не считала отказ Андрею ошибкой. Вот что было самым неудобным. Ошибки легче: их можно назвать, разобрать, признать и оставить в прошлом. С решением, которое было правильным тогда и всё равно иногда заставляло думать «а если бы», обращаться было сложнее.

Если бы она согласилась, что произошло бы потом? Они прожили бы вместе эти годы? Андрей видел бы, как выросли мальчики, как Валера женился, как родилась Соня? Они бы ездили куда-нибудь вдвоём, спорили о домах, раздражали друг друга, старели?

Или расстались бы через полгода, и теперь Инна жалела бы уже о том, что дала второй шанс?

Жизнь не показывала альтернативные маршруты. Она только оставляла указатели на дороги, по которым человек не пошёл, а потом почему-то позволяла ему годами фантазировать о пейзаже за поворотом.

Вечером Юрий позвонил и спросил, придёт ли она в субботу.

— Приду.

— С ночёвкой?

— А у меня есть другие варианты?

— Есть. Ты можешь в два часа ночи решить, что дома подушка лучше, и уехать.

— Она действительно лучше.

— Инна.

— С ночёвкой.

— Запомнил.

Слово неприятно задело, но Юрий тут же добавил:

— Просто соскучился.

Разговор на этом закончился.

Инна закрыла глаза и подумала, что именно это ей в нём нравится: рядом с Юрием жизнь редко требовала философского объяснения. Он мог соскучиться, купить хлеб, забыть молоко, предложить поехать на выходные за город и не видеть в каждом решении приговора всему прошлому.

Наверное, поэтому мысль об Андрее после разговора с ним стала особенно неуместной.

Глава 9. Рыбий глаз

В ту ночь Инне приснился Виктор. Совершенно обычный, молодой мужчина, которого она любила так, что сердце сбивалось с ритма. Он сидел на кухне, шурился и тянул пальцами ресницу. Потом вторую, третью. Ресницы оставались между пальцами, потом падали на стол.

— Рыбий глаз, прекрати, — говорит она.

Он смеётся: — Сама ты Рыбий глаз.

Проснувшись, Инна несколько секунд лежала неподвижно, удивляясь тому, как точно сон вернул его жест. Виктор нервничал — и начинал дёргать ресницы, пока не оставалось ни одной. Кто-то грызет ногти, кто-то хрустит пальцами, а он занимался настоящим вредительством своей красоты. Потом «Рыбий глаз» стал одной из тех домашних фраз, которые невозможно объяснить постороннему человеку без длинной предыстории, а после объяснения они всё равно перестают быть смешными. Прозвище родилось между ними случайно, пережило любовь, брак, ссоры и какое-то время даже развод, хотя произносить его после расставания было уже некому.

Они познакомились молодыми. Всё произошло быстро: взаимное увлечение, предложение, переезд Инны в город Виктора, который тогда был для неё чужим. Она приехала сюда ради любви и долго считала этот выбор самым естественным на свете. Потом появились сыновья, быт, работа, родители Виктора, которые так и не приняли невестку по-настоящему. Виктор иногда защищал её, иногда уставал, иногда просил не обращать внимания там, где внимание уже невозможно было исключить.

Их брак не разрушила одна большая причина. Он распался от множества маленьких трещин, каждая из которых сама по себе казалась ремонтпригодной. После развода Инна долго пыталась назначить виновного, потому что с одним виновным жить проще, чем с пониманием: двое могут любить друг друга и всё равно не суметь сохранить то, что построили.

Они были слишком молоды и слишком уверены, что любви достаточно. Возможно, без этой уверенности люди вообще редко решались бы создавать семьи. Они любили друг друга, растили мальчиков, ссорились из-за денег, усталости, родственников, работы и тысячи мелочей, которые в момент ссоры кажутся вопросами принципа, а через двадцать лет превращаются в ничто.

Развод дался тяжело всем, особенно мальчикам, и Инна ещё долго спрашивала себя, можно ли было сделать что-то иначе.

Иногда на вопрос о семейном положении Инна после его смерти отвечала «вдова», а потом сама удивлялась. Формально это было неправильно. Эмоционально — единственно точно.

А потом был Андрей. Потом другие годы. Валера вырос, женился, стал отцом. Максим выбрал службу и уехал далеко. Инна осталась в городе, куда когда-то приехала вслед за Виктором, и этот город давно стал её собственным.

А утром Валера прислал фотографию Сони, шулившейся на солнце. На секунду в лице внучки проступило что-то очень знакомое, и память мгновенно подставила молодого Виктора, приснившегося так кстати.

В тот вечер Юрий позвонил, когда Инна уже собиралась спать.

— Ты опять думаешь?

— Почему «опять»?

— Потому что молчишь уже секунд десять. Для тебя это форма активной умственной деятельности.

— Я вообще-то могу просто молчать.

— Теоретически.

Она засмеялась.

— Соню увидела сегодня на фотографии и Виктора вспомнила.

Юрий помолчал.

— Грустно?

— Нет. То есть да. Не знаю. Просто вспомнила.

— Это разрешается.

— Спасибо, что санкционировал.

Юрий никогда не ревновал её к прошлому и тем более к умершему человеку. Наверное, именно поэтому Инна иногда рассказывала ему о Викторе больше, чем собиралась.

— Знаешь, что самое странное? — сказала она. — Я могу перечислить, почему мы развелись. По пунктам. Могу перечислить, почему я его любила. И оба списка будут правдой.

— Люди вообще плохо помещаются в списки.

— Это ты просто таблицы недооцениваешь.

— Я живу с женщиной, которая однажды составила таблицу преимуществ разных пылесосов.

— И выбрала лучший.

— Однако, такие таблицы давно делают сайты продавцов. И я до сих пор боюсь спросить, есть ли таблица по мужчинам.

— Есть. Ты пока проходишь по минимальному набору баллов.

Они ещё немного поговорили. После звонка Инна лежала в темноте и думала, что прошлое не делится на хорошие и плохие папки. Виктор был одновременно любовью, ошибками, двумя сыновьями, разводом, болью и десятками смешных мелочей, которые никто другой не мог ей подарить.

Как можно было бы убрать из этого только сожаление?

Вопрос возник неожиданно, и Инна сразу разозлилась.

Ей не нужно ничего убирать.

Она уже решила.

«Никогда больше».

На следующее утро автобус остановился у парка из-за аварии на соседней улице. Пассажиров попросили пройти две остановки пешком.

Инна вышла вместе со всеми.

У входа в парк она увидела тёмное пальто.

Покупатель стоял далеко, у старого клёна, и разговаривал с пожилым мужчиной.

Инна отвернулась прежде, чем он мог её заметить, и пошла по противоположной стороне улицы.

Сердце билось быстрее, чем того заслуживали сто метров асфальта.

И впервые Инна поняла: она не просто решила больше не заключать сделок.

Она его избегает.

Глава 10. Сначала будет хорошо

Пожилой мужчина нашёлся сам. Иногда случайности похожи на знаки судьбы, а иногда все происходит наоборот: мы принимаем знаки судьбы за случайности.

Через два дня Инна вышла из небольшого магазина возле офиса и увидела его у витрины книжного. Хорошее пальто, аккуратно завязанный шарф, трость, которую он держал скорее по привычке, чем по необходимости. Тот самый человек, с которым Покупатель разговаривал у клёна.

Он тоже узнал её.

Несколько секунд оба делали вид, что это ничего не значит. Потом мужчина подошёл.

— Лев Семёнович. Мы не знакомы, но, кажется, видели друг друга в парке.

Инна сразу насторожилась.

— Инна. Если Вы хотите поговорить о нём, не надо.

Лев Семёнович кивнул так спокойно, что Инна внутренне напряглась. Обычно спокойствие дает обратный эффект.

— Хорошо.

— И всё?

— А что ещё? Вы попросили не говорить.

— Обычно люди после этого как раз начинают объяснять, почему говорить необходимо.

— В моём возрасте особенно приятно иногда удивлять людей отсутствием наставлений.

Он уже собирался отойти, когда Инна сама спросила:

— Вы его знаете?

Лев Семёнович остановился.

— К сожалению.

— У Вас тоже... была сделка?

— Была.

— И Вы жалеете?

Взгляд у него изменился едва заметно.

— Это не лучший вопрос.

— Почему?

— Потому что для сожаления тоже нужна память.

Инна почувствовала, как по спине прошёл холод.

— Я ничего не собираюсь продавать.

— Очень разумно.

— Я вообще не собираюсь к нему возвращаться.

Лев Семёнович посмотрел на неё с неожиданной мягкостью.

— Тогда не возвращайтесь.

Вот и всё.

Он снова сделал шаг, и Инна не выдержала:

— Подождите. Вы специально подошли, чтобы сказать мне «не возвращайтесь»?

— Нет. Я подошёл, потому что узнал Вас и подумал, что, возможно, Вы хотите спросить.

Теперь вижу, что не хотите.

— Хочу. Просто не уверена, что мне нужно ещё что-нибудь знать.

— Это очень здоровое состояние. Берегите его.

Инна усмехнулась.

— Вы умеете говорить почти так же раздражающе, как он.

— Значит, пора расходиться, пока сходство не стало оскорбительным.

Они всё-таки зашли выпить кофе. Не потому, что Инна решила узнать правду, а потому, что после такого разговора уйти сразу было бы почти невежливо. Лев Семёнович долго размешивал сахар, хотя, кажется, уже давно растворил его.

— Я не буду рассказывать Вам свою историю, — сказал он. — Не сегодня.

— Почему?

— Потому что чужая ошибка редко помогает, пока человек уверен, что сам ошибётся умнее.

— Обнадёживает.

— Мне тоже когда-то казалось, что я всё продумал.

— И?

Он посмотрел в окно.

— Сначала было хорошо.

Инна вспомнила тот вечер после временной сделки. Галя прислала фотографию отца, а ей не было больно. Никакой пустоты. Никакого кошмара. Наоборот — спокойная, чистая жалость к подруге, без собственного вины и старого удара внутри.

— Что значит «сначала»?

— То и значит.

— Вы сейчас специально пугаете меня недосказанностью?

— Нет. Я пытаюсь не дать Вам чужой готовый вывод. Они плохо приживаются.

— А если я спрошу, что именно Вы продали?

Лев Семёнович долго молчал.

— Тогда я отвечу: пока не готов говорить.

Инна неожиданно поняла, что уважает этот ответ. После Покупателя, который мог спокойно произнести невозможную вещь и оставить собеседника разбираться с последствиями, обычное человеческое «не готов» звучало почти уютно.

Перед уходом Лев Семёнович застегнул пальто и сказал:

— Если Вы действительно решили не возвращаться — не возвращайтесь. Вам не нужно знать всё о пожаре, чтобы не совать руку в огонь.

— А Вы вернулись?

Он посмотрел на неё.

— Несколько раз.

— Зачем?

— Потому что сначала было хорошо.

Он ушёл.

Инна осталась у окна с недопитым кофе и подумала, что эта фраза пугает сильнее любого рассказа о последствиях.

Не «сначала было страшно».

Не «я сразу понял ошибку».

Сначала было хорошо.

Глава 11. Настоящее

У Юрия было хорошо именно потому, что это был не её дом.

Инна могла открыть шкаф в ванной и найти там свою зубную щётку, оставить на спинке стула блузку, забыть книгу на тумбочке и не почувствовать, что пространство вокруг незаметно меняет владельца. Здесь были его чашки, его привычка держать хлеб в холодильнике, с которой Инна не соглашалась принципиально, его слишком большое кресло у окна и его порядок, местами настолько нелогичный, что логист внутри неё страдал, но молчал из уважения к чужой территории.

Юрий встретил её с пакетом продуктов и сообщил, что готовит ужин сам. Через двадцать минут выяснилось, что под словом «готовит» он понимает способность одновременно читать рецепт в телефоне и задавать Инне вопросы, на которые уже получил ответы.

— Ты специально купил кинзу?

— В рецепте написано.

— А если в рецепте будет написано прыгнуть с балкона?

— Смотря какой результат обещают.

Инна выгнала его от плиты, он заявил, что это был хитрый план, и к девяти вечера они ели, спорили о последних новостях и перебивали друг друга так привычно, что Инна несколько раз ловила себя на простой мысли: ей хорошо.

После ужина Юрий нашёл фильм, который давно собирался ей показать. Там люди плачивались временем собственной жизни, и эта идея неожиданно зацепила Инну сильнее сюжета.

— Представь, что у тебя есть что-то такое, — сказала она. — Не деньги. Что-то твоё, что можно отдать в обмен на другое. Ты бы пользовался?

— Зависит от курса.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Если восстанавливается — да. Если нет — очень осторожно. А что продаём?

— Допустим, воспоминания.

Юрий посмотрел на неё уже не на экран.

— Хорошие не отдам.

— А плохие?

Он пожал плечами.

— Тоже, наверное, нет.

— Почему?

— Потому что я жадный. Моё — значит моё. Даже если дурацкое.

Он сказал это легко и вернулся к фильму. Инна ничего не ответила.

Через полчаса Юрий выключил телевизор.

— Я всё-таки спрошу ещё раз.

— Что?

— Давай попробуем жить вместе.

Инна вздохнула.

— Юр...

— Я не предлагаю завтра вызвать грузчиков и подписать акт приёма-передачи тебя вместе с имуществом. Просто попробуем. Месяц. Два. Не понравится — разведемся обратно по своим крепостям.

— А где?

— Уже прогресс. Раньше на этом месте ты говорила: «Мне и так хорошо».

— Мне и так хорошо.

— Я знаю. Мне тоже. Именно поэтому я предлагаю не спасать друг друга от одиночества, а посмотреть, может ли быть ещё лучше.

Он не говорил ни о возрасте, ни о том, что «сколько можно одной», ни о последнем шансе. Сказать «нет» было бы гораздо легче, если бы Юрий хоть немного давил.

Инна уже хотела согласиться. Предложение Юрия не требовало никаких клятв, а месяц совместной жизни был всего лишь месяцем, и она почти почувствовала облегчение от возможности наконец ответить без длинного списка условий. Ей даже пришло в голову, что завтра можно привезти книги, которые давно лежали у неё в отдельной стопке и всё никак не находили повода переехать.

— Мы ведь и сейчас почти живём вместе, — сказала она. — Наверное, можно было бы перестать делать вид, что моя зубная щётка у тебя временно, а твоя рубашка у меня случайно.

Юрий не стал торжествовать. Только чуть улыбнулся и подвинул к ней тарелку с последним кусочком пирога, который весь вечер охранял от её покушений.

— С пирогом я готов расстаться гораздо легче, чем с тобой по воскресным вечерам. Но учти, я не требую решения сегодня. Я предлагаю жить вместе, а не проходить испытание на скорость принятия решений.

От его спокойствия стало ещё труднее. Инна представила вполне обыкновенное утро: они оба торопятся, кто-то забывает купить молоко, Юрий опять кладёт хлеб в холодильник, и она сердится на него с той свободой, какую человек позволяет себе лишь рядом с тем, кого уже считает своим. А потом возникло другое утро, много лет назад, когда она тоже была уверена, что сумеет устроить жизнь надолго, и уверенность не спасла никого от последующих перемен.

— Я подумаю, — сказала она, хотя ещё минуту назад хотела произнести совсем другое.

— Вот это меня и пугает.

— Почему?

— Когда ты думаешь, у тебя внутри открывается таблица.

— Не таблица.

— Две колонки?

— Три.

— Всё. Я пропал.

Утром Юрий ещё спал, когда Инна проснулась. На тумбочке лежали его часы, её серьги и телефон. В ванной в одном стакане стояли две зубные щётки — её синяя и его чёрная.

Ничего особенного. Её щётка стояла здесь давно.

Но сегодня две щётки почему-то выглядели как вопрос.

Инна вспомнила Андрея. Потом Виктора. Потом себя после развода, когда любые планы дольше нескольких месяцев казались подозрительным проявлением самонадеянности. Затем почему-то мальчиков у родителей и то, как она обещала матери: «Я справлюсь. Это ненадолго».

— Ты там решила переехать? — сонно спросил Юрий из комнаты.

Инна вздрогнула.

— Я зубы чищу.

— Тогда это дольше, чем обычно. Видимо, решение серьёзное.

Она посмотрела на себя в зеркало.

Юрий ждал ответа на вопрос о будущем, а Инна уже десять минут совещалась со всем своим прошлым.

В этот момент ей впервые пришло в голову, что проблема, возможно, вообще не в мужчинах.

Глава 12. Светлана

Светлана начала ошибаться.

Не часто и не катастрофически. Сначала поставила не ту дату в заявке, потом отправила клиенту старую версию таблицы, затем дважды переспросила то, что обычно запоминала с первого раза. На третий день Инна закрыла файл, сняла очки и посмотрела на неё поверх монитора.

— Света.

— Да?

— Иди сюда.

— Я что-то опять не то отправила?

— Пока нет. Именно поэтому есть шанс поговорить до того, как мне придётся объяснять клиенту, почему его груз внезапно едет в прошлую среду.

Светлана улыбнулась краем рта и вошла в кабинет. Села не сразу — сначала поправила стопку бумаг на краю стола, хотя они и без неё лежали вполне прилично, потом убрала волосы за ухо и только после этого устроилась напротив.

— Что происходит?

— Ничего.

— Это ответ для мужчины, который спрашивает, почему ты молчишь. Для начальника придумай другой.

— Я плохо сплю.

— Давно?

— Несколько дней совсем плохо. А вообще... давно.

— Работа?

— Если бы. Сестра.

Про Ольгу Инна знала только общими словами. Пять лет назад сёстры серьёзно поссорились и с тех пор существовали в режиме редких поздравлений, обязательных семейных встреч и такой вежливости, которая всегда выдавала куда большую близость в прошлом, чем открытая неприязнь.

— Она что-то сделала?

— Нет. В том-то и дело. Мама на прошлой неделе давление подняла. Ничего страшного, уже всё хорошо, но Ольга приехала. Мы сидели на кухне втроём. Нормально сидели. Она спросила, как у меня работа, я спросила про её дочку. Потом мама ушла за таблетками, и мы остались вдвоём. Минуты на три. Может, на пять. И я поняла, что вообще не слышу, что она говорит.

— Почему?

Светлана посмотрела на окно, за которым курьер безуспешно пытался припарковаться между двумя машинами, потом снова на Инну.

— Потому что в голове снова тот разговор. Я его прокручиваю пять лет. Иногда дословно. Иногда только кусками. Вот её лицо. Вот я отвечаю. Вот она говорит следующую фразу. И каждый раз мне кажется, что если повторить ещё раз, я наконец пойму, что должна была сказать тогда. Или почему не ушла раньше. Или почему осталась. Глупость какая-то. Пять лет прошло, а я всё ещё мысленно разговариваю с человеком, который давно уже сказал всё, что хотел.

— Ты пробовала с ней это обсудить?

Светлана усмехнулась.

— Конечно. Именно поэтому мы и не общаемся.

— Психолог?

— Была.

— Один?

— Два.

Инна кивнула с видом человека, у которого закончился заранее приготовленный список разумных советов.

Светлана помолчала и вдруг сказала:

— Иногда мне кажется, что я бы заплатила за кнопку.

— Какую ещё кнопку?

— Нажал — и одного вечера нет. Не Ольги. Не детства. Не всего, что у нас было. Только тот разговор. Я бы даже не торговалась.

Инна слишком резко подняла глаза. Светлана заметила.

— Что?

— Ничего.

— Нет, вот сейчас было не «ничего». Вы на меня посмотрели так, будто я предложила избавиться от трупа.

— Света, люди постоянно говорят, что хотели бы что-нибудь забыть.

— А Вы?

Инна машинально провела ладонью по краю стола.

— Что я?

— Хотели когда-нибудь?

Перед глазами на секунду возникли тёмно-синие туфли и мастерская, которой несколько часов не существовало.

— Хотела.

— И что делали?

— Жила дальше.

— Очень полезно.

— Я стараюсь.

Светлана ушла, но разговор остался. Вечером Инна поймала себя на том, что знает короткую дорогу и сознательно отправляет другого человека в обход. Она могла рассказать. Светлана взрослая, сама решит. Покупатель не лгал. Временная сделка действительно сработала.

А потом Инна вспоминала собственный голос: «Я никогда не ломала Галиных туфель» — и желание делиться опасным знанием проходило.

Через четыре дня Светлана вошла в её кабинет и закрыла дверь.

— Можно?

— Если это снова водитель из Тулы, нельзя. Я больше не готова к его географии.

Светлана не улыбнулась.

— Я встретила человека.

Инна положила ручку.

— Какого?

— В парке. Возле старого клёна. Тёмное пальто. Назвался Покупателем.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— Вы его знаете? — спросила Светлана уже тише.

— Разговаривала.

— Ну и слава богу. А то я уже решила, что у меня на фоне бессонницы началось что-то совсем интересное. Кто он?

— Не знаю.

— В смысле — не знаете?

— В самом прямом.

Светлана села без приглашения.

— Он сказал, что покупает воспоминания. И что платит покоем.

— Знаю.

— Почему Вы мне не сказали?

— Потому что сама хотела бы не знать.

Светлана долго молчала. Потом спросила:

— Вы пробовали?

Инна не ответила сразу.

— Один раз. До утра.

И рассказала про Галю. Не всё, но достаточно: туфли, больница, одно слово, исчезнувший день и утро, когда память вернулась вместе с пониманием, что вчера она искренне считала эту историю чужой.

Светлана слушала, не перебивая.

— Но он вернул? — спросила она наконец.

— Вернул.

— И не обманул?

— Нет.

— Тогда чего Вы боитесь?

Инна посмотрела на неё.

— Того, что, если однажды не вернуть, я сама не замечу, чего больше нет.

Светлана опустила взгляд.

— А я пять лет замечаю. Каждый день.

Светлана посмотрела на руки, лежавшие на коленях, и неожиданно заговорила уже не о ссоре с сестрой, а о матери, у которой за последние годы успели появиться новые привычки, небольшие болезни и любимый сериал. Всё это Светлана знала, но почти каждое семейное событие рассматривала через единственный вопрос: как вести себя с Ольгой, если та тоже придёт. Даже на день рождения матери она приезжала не столько поздравить, сколько заранее подготовиться к возможной встрече, а потом ненавидела себя за испорченный праздник.

— Вы говорите, что можно потерять что-то ещё, — закончила она. — Я слышу Вас, Инна Вячеславовна. Но мне кажется, я и так теряю многое. Не тот вечер, который был пять лет назад, а обычные дни, которые сейчас проходят мимо. И больше всего боюсь однажды обнаружить, что потратила на одну ссору столько времени, сколько у нас с сестрой уже не осталось.

Инна хотела сказать ей, как после собственной пробной сделки без тени сомнения отрицала события, за которые прежде не могла себя простить, однако ничего не сказала. Перед ней сидела не доверчивая девочка, соблазнённая обещанием чудесного избавления, а взрослая женщина, испробовавшая привычные способы справиться с прошлым и не нашедшая среди них подходящего.

— Я не знаю, что будет потом, Света, — произнесла Инна. — Возможно, тебе станет лучше навсегда. Но и от обратного никто не застрахован. Если решишься, по крайней мере помни: он слушает каждое слово буквально, а мы далеко не всегда понимаем, что на самом деле просим.

Светлана кивнула, но благодарить не стала. И правильно сделала: Инна сама ещё не знала, предостерегла её или невольно подсказала, каким образом легче принять решение.

— Не ходи, — сказала она всё-таки. — Если спрашиваешь моего совета — не ходи.

— Почему?

— Потому что ты не знаешь, где заканчивается один вечер и начинается всё, что к нему привязано.

— А если мне всё равно?

— Сейчас тебе не всё равно. Иначе ты бы не спрашивала.

Светлана кивнула, поднялась и уже у двери остановилась.

— Хорошо.

— Это «хорошо» что-нибудь означает?

— Честно? Пока не знаю.

На следующий день она пришла вовремя, не ошиблась ни в одной заявке и к обеду смеялась с девочками в соседнем кабинете.

Инна услышала её смех из коридора и остановилась.

— Ты ходила?

Светлана посмотрела на неё и на секунду закрыла глаза, словно проверяя ответ.

— Да.

— И?

— Я выпалась.

Глава 13. Покой

Первые дни Инна почти ждала катастрофы.

Это было неловко признавать даже себе. Светлана выглядела хорошо, работала нормально, не путала даты, не сидела по утрам с красными глазами, и всё это почему-то казалось подозрительным. Инна ловила себя на том, что наблюдает за сотрудницей из-за монитора и раздражается от отсутствия симптомов.

На четвёртый день Светлана принесла торт.

— У нас что? — спросила Инна.

— Ничего. Просто хороший день.

— За хорошие дни у нас раньше максимум покупали пирожные.

— Значит, у меня особенно хороший. Мы с Ольгой вчера встретились.

Инна подняла глаза.

— С сестрой?

— С той самой. Сначала сидели, как две дуры, обсуждали мамин ремонт, цены и детей.

Потом Ольга спросила, почему я вдруг готова разговаривать. Я сказала, что устала от войны, причину которой уже плохо понимаю.

— И она?

— Заплакала. Я тоже. Потом мама позвонила и всё испортила: решила, что раз мы помирились, то обязаны вместе приехать в воскресенье и разбирать антресоли.

— Семейное счастье в чистом виде.

— Именно. Заодно выяснилось, что мы обе по-прежнему ненавидим эти антресоли. Уже есть общая тема.

Инна улыбнулась, но вопрос не отпускал.

— Ты правда не помнишь, из-за чего поссорились?

— Помню, что был разговор. Помню кухню. Помню, что потом вышла на улицу без куртки, хотя был ноябрь. Помню, что было ужасно больно. А слова — нет.

— Совсем?

— Иногда кажется, что вот-вот вспомню. Но знаете, что самое странное? Мне всё равно. Я утром просыпаюсь и не продолжаю спор, который закончился пять лет назад. Вчера Ольга сказала что-то резкое — обычное, не ужасное, — и я не полезла сравнивать с тем разговором. Просто ответила ей. Представляете?

Инна представляла. Именно это и было опасно.

Светлана уже собиралась выйти из кабинета, но у двери остановилась.

— Кстати, я Вам ещё не сказала одну вещь.

Инна подняла глаза.

— После последних недель эта фраза звучит угрожающе.

— Ольга тоже его знает.

— Кого?

Светлана посмотрела на неё так, словно ответ был очевиден.

— Покупателя.

Инна медленно отложила ручку.

— Откуда?

— Она была у него пять лет назад. После нашей ссоры.

Несколько секунд Инна молчала.

— Ты узнала об этом только сейчас?

— Да. Вчера. Я рассказала, что встретила его в парке и что потом... стало легче. Ольга сначала решила, что я шучу. Потом спросила, как он выглядел. А когда я сказала про тёмное пальто и старый клён, она побледнела.

— Что она ему продала?

— Не знаю точно. Она сказала только: «Свою часть того разговора». И больше говорить не захотела.

Инна почувствовала неприятный холод в пальцах.

— А ты не спросила?

— Спросила. Она сказала, что расскажет когда-нибудь, но не сейчас. И ещё сказала одну странную вещь.

— Какую?

— Что он её не обманул.

Инна ничего не ответила.

Светлане стало легче. Ольга тоже когда-то пришла к тому же человеку после той же ссоры — и, по её собственным словам, он не обманул и её. Этого было достаточно, чтобы история перестала быть единичным случаем и стала чем-то гораздо более неудобным.

Через несколько дней Инна дала Светлане сложную заявку, которую раньше поручила бы только в том случае, если могла оставить себе время на повторную проверку. Клиент менял требования почти каждый час, перевозчик не отвечал на письма, а склад требовал документы в формате, который сам же накануне объявил устаревшим. Светлана разобралась без напоминаний, принесла готовое решение и, заметив удивление начальницы, даже позволила себе пошутить, что профессиональные способности, к счастью, продаются значительно хуже сожалений.

Инна проверила расчёты и не нашла ошибки. Перед ней лежал обычный результат хорошей работы, но она вспомнила те дни, когда Светлана стояла перед её столом растерянная, раздражённая собственной забывчивостью и измотанная бесконечным внутренним разговором с сестрой. Теперь та же женщина успевала работать, смеяться с коллегами и спокойно обсуждать планы на выходные. Никаких явных признаков потери, о которых предупреждал Лев, Инна пока не замечала, хотя прекрасно понимала, что отсутствие заметной беды ещё ничего не доказывает.

— Света, Вы не жалеете, что тогда пошли в парк? — спросила она, возвращая документы.

Светлана немного удивилась вопросу и задумалась, не торопясь отвечать из вежливости.

— Знаете, я боюсь давать советы, особенно теперь. Я помню, что Ольга была моей сестрой до той ссоры и осталась после неё. Помню, как мы жили раньше, что между нами произошла ссора и как тяжело было после неё. Только больше не провожу каждое утро в попытке переиграть разговор, который давно закончился. Может быть, когда-нибудь мне не понравится цена. Пока я считаю, что поступила верно.

Инна тоже не видела минусов. И это обстоятельство оказалось куда убедительнее обещаний Покупателя, потому что он никогда не предлагал ей верить на слово, а Светлана каждый день сидела за соседним столом и действительно жила легче.

Вечером Юрий написал: «Ты сегодня ко мне?»

Инна набрала: «Нет, устала».

Он прислал печального кота и следом: «Кот считает, что это слабое оправдание».

Она улыбнулась и ответила: «Передай коту, что он манипулятор».

«Он знает».

По дороге домой автобус проехал мимо парка. Инна посмотрела на старый клён и впервые не отвернулась.

Страх никуда не делся.

Просто рядом с ним появилось другое чувство, которое ей нравилось гораздо меньше.

Соблазн.

Глава 14. Клубника

Лев Семёнович позвонил сам.

Номер Инна не давала и успела неприятно удивиться прежде, чем он объяснил:

— Вы оставили визитку в кофейне. Хозяин меня знает. Если это кажется вмешательством — можете положить трубку.

— После последних недель визитка через хозяина кофейни звучит почти образцом нормальности. Что случилось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.